

следней не было даже сказано, у кого она принимает ребенка. И вот однажды ночью женщина эта разрешилась от бремени хорошей здоровой девочкой. Брат ее поручил ребенка кормилице, которая не сомневалась в том, что это его собственная дочь. Вдова же, прожив у брата около месяца и уже совершенно поправившись, вернулась домой и стала вести еще более строгий образ жизни, соблюдая посты и усердно молясь богу. Но когда сын совсем возмужал, он стал просить мать разрешить ему вернуться домой, ибо войны в Италии тогда не было. Боясь, как бы все не повторилось снова, мать его сначала не соглашалась, но он был очень настойчив, и ей неудобно было ему отказать. Она тогда поставила условием, чтобы, прежде чем вернуться домой, он женился на девушке, которую выбрал бы по любви, наказав ему не гнаться за богатством, лишь бы будущая жена его была дворянкой. Как раз около этого времени брат этой дамы, видя, что девочка, вверенная его попечению, подросла и похорошела, решил отправить ее куда-нибудь подальше, где бы ее никто не знал, и по совету матери отдал ее королеве Екатерине Наваррской.³⁴⁸ И до двенадцатитринадцати лет девочка жила при дворе этой королевы, которая очень к ней привязалась и решила выдать ее замуж за человека знатного и достойного. Но так как она была бедна, то, хотя многие кавалеры ухаживали за нею, руки ей никто не предложил. И вот однажды ко двору королевы явился сын той самой вдовы, о которой уже шла речь и он влюбился в эту девушку, не подозревая, что это его родная дочь. А так как мать разрешила ему жениться на ком он хочет, он ни о чем ее не спрашивал, кроме одного – из дворян она или нет. И, узнав, что она дворянка, попросил у королевы Наваррской ее руки. Королева охотно согласилась на этот брак, ибо знала, что жених богат и к тому же красив и благороден.

Женившись, дворянин написал об этом матери, добавив, что теперь она уже не должна препятствовать его возвращению в родной дом, ибо он выполнил то условие, которое она ему поставила, и привезет с собой молодую жену – прелестнейшую из женщин. Мать осведомилась, на ком он женился, и узнала, что это была именно та самая девочка – ее дочь и вместе с тем дочь ее сына, – и она пришла в такое отчаяние, что готова была умереть, ибо видела, что, чем больше она старается избежать несчастья, тем неотвратимей оно становится. Раздумывая о том, как поступить, она решила отправиться к легату Авиньонскому и, признавшись ему в совершенном ею страшном грехе, спросила, что ей теперь следует делать. Легат же, чтобы успокоить ее совесть, призвал для совета несколько докторов богословия и, не называя имен, рассказал им все обстоятельства дела. Ученые богословы решили, что дама эта никогда не должна ничего рассказывать о случившемся своим детям, ибо те ничего не ведали и посему никакого греха не совершили. Самой же ей надлежит каяться до конца жизни – и так, чтобы они никогда об этом не узнали. С этим несчастная и возвратилась домой, и вскоре туда же приехал ее сын с невесткой. Молодые люди нежно любили друг друга и жили между собой в дружбе и полном единении, ведь она приходилась ему дочерью, сестрой и женой, а он ей – отцом, братом и мужем. И так они жили всю жизнь, а их бедная мать, поглядев на их счастье, каждый раз уходила потом к себе и заливалась слезами.

– Вот, благородные дамы, как бывает с теми, кто мнит собственными силами и добродетелью победить любовь и природу человека, которую господь наделил столь великою властью. Лучшее, что может сделать человек, – это не тягаться с таким врагом, а, признав слабость свою, обратиться к истинному другу своему, Христу, и сказать ему словами псалмопевца: «Господи, тесно мне, спаси меня!»³⁴⁹

– Вот уж поистине необыкновенная история, – сказала Уазиль, – мне кажется, что после этого каждой из нас следует склонить голову и преисполниться страха божия, ибо мы видим, как человек, намереваясь совершить добро, совершает вместо этого столько зла.

– Помните, – сказала Парламента, – что всякая самоуверенность отдаляет человека от бога.

– Должно быть, только тот и мудр, – добавил Жебюрон, – кто злейшим врагом своим почитает себя самого и кто не доверяет ни воле своей, ни разуму.

– С каким бы добрым намерением это ни делалось, – сказала Лонгарина, – нет таких благих

³⁴⁸ Речь идет о сестре Гастона де Фуа (1489–1512), прозванного «Гастоном Фебом», герцога Немурского, племянника Людовика XII, прославленного французского военачальника. Екатерина была женой Иоанна д'Альбре, короля Наварры, и тем самым свекровью Маргариты.

³⁴⁹ Слова из Библии (Исайя, XXXVIII, 14).